

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

**БЕГ
ПО КРУГУ**

Петр Петрович Котельников

Бег по кругу. Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120972

ISBN 9785448519611

Аннотация

Для вселенной характерна цикличность развития. Стоит нам заблудиться, и мы начинаем описывать круги, возвращаясь к месту, в котором осознали свой просчёт в движении. И общества людей переживают расцвет и падение. Это мы достаточно наглядно усвоили после развала СССР. Каждая национальность при этом сохраняет свои особенности. Это и явилось мотивом для создания сборника стихов «Бег по кругу». Автор коснулся тех народов, которые более других ему знакомы.

Содержание

Я – египтянин	5
Репетиция, или бег по кругу	8
Русские мотивы	11
Царствовать не всякому дано	12
Цена исторической сплетни	14
Он не жалел ни рук, ни ног	15
Пути России не просты	17
Одиночка на Руси – бахвальщина	18
Звезда Сиона	19
Желание Мидаса	21
Жажда	22
Жив полк!.. Жив!	23
Жертва доноса	24
Межа	25
При деле	27
Полет мысли	29
Приключения Буратино в XXI веке	31
Утром в седло	34
Рассвет идёт	36
Провидец	38
Дождь... Бездорожье	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Бег по кругу

Сборник стихов

Петр Петрович
Котельников

Редактор Олег Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2017

ISBN 978-5-4485-1961-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я – египтянин

Я египтянин, негр и копт
Во времена Рамсеса¹.
Я ассирийцем быть бы мог,
И другом басилевса.

Я – армянин, я иудей.
И древний грек Эллады,
Филистимлянин и халдей,
Я – плод людской досады

Я в вечном городе горел
Во времена Нерона².
Знаком был мне британский лев³,
И кельтский лик дракона⁴.

В иерусалимском храме был
Легионером Тита⁵.

¹ Рамсес II – один из самых известных фараонов древности.

² Нерон – римский император, при котором горел Рим (по преданию, был подожжен по приказу самого Нерона).

³ Британский лев – символ Великой Британии.

⁴ Красный дракон – символ кельтов – в гербе Уэльса.

⁵ Тит – Тит. Веспсиан – римский император, при котором пала государственность Иудеи и был разрушен в Иерусалиме храм Бога.

Я многих жителей убил...
И кем-то был убитым.

В жаре и пекле изнывал,
И голодом морим я,
Я Бога часто проклинал, —
И славил его имя.

С петлей на шее шел в Сарай⁶,
В утробе был Молоха⁷.
Я вскрыл живот, как самурай,
Когда погряз в пороках.

Я был и женщина, и муж,
Любви я предавался.
Я извивался, словно уж,
И., предавая, клялся.

В трясине был и в жиге
Бездонного болота.
На площади в Париже⁸

Снял голову с кого-то.

⁶ Сарай – столица Золотой Орды.

⁷ Молох – божество финикийцев, в чреве медной статуи бога сжигались человеческие жертвы.

⁸ Гревская площадь – место в средневековом Париже, где проводили публичные казни.

Я рус, варяг я – славянин,
И кто еще, не знаю?..
К тому ж, такой я не один,
Живу в аду, не в рае.

Кочую я из века в век,
(Ведь создан для страдания),
Сегодня русский человек —
В хвосте у созидания.

Готового рецепта нет,
Я глух, как пень, я – слеп
Быть может, и увижу свет,
Когда придёт рассвет!

Репетиция, или бег по кругу

Остатки прошлого – в корзину!
Куда «сегодня» занесло?..
Опять – вчера! Ну, как назло,
Опять его я вижу спину
И временем не замело....

А жизнь идет... И я спешу,
(Ползти по жизни не годится).
Черновики перепишу,
Сегодня в завтра превращу,
Не смея заново родиться.

И, вроде не чурбан, не пень,
И мыслю, кажется, свободно...
Но стало просыпаться лень.
Как ни проснусь – вчерашний день...
А жить-то хочется сегодня!

Кто крутит это колесо!
И принцип, вроде, немудрящий:
Сегодня в завтра понесло!..
Но только солнышко взошло,
Гляжу, а день – вчерашний.

Лишь вырвусь, вновь – назад.
Вокруг трясина, да и только!
Как странно, двадцать лет подряд
Все о прогрессе говорят,
Не видя никакого толка.

А жизни нашей непростой —
Сценарий тусклый пошлый.
Изменится ли в нём хоть что?
Меняю место – нет, не то...
Мы – постоянно в прошлом!

Похоже всё на жалкий сон:
Проходит жизнь в тумане,
Затянут тучей небосклон,
Царит не цвет, а полутон,
И в никуда желанья манят.

Проснулся: вижу ту же тьму,
Хотелось приписать недугу...
Но одного я не пойму,
Напротив здравому уму,
Ползём по замкнутому кругу?

Идём, спускаясь только вниз,
Смотрю у власти те же лица.
Все беды вновь переплелись,
Скажите, что это за жизнь?
Не жизнь – сплошная репетиция!

Русские мотивы

Царствовать не всякому дано

Да царствовать не всякому дано,
Усядется иной на шею государства,
Хоть кол теши на голове, он все равно,
К разладу приведет он царство.

Рубаха парень, лихо водку пьет,
И внешне кажется, свой в доску.
И из крестьян фамилия идет.
Ну, в общем, все обычно, просто.

Представить кто-то мог, чтоб идеал
(Тут не уместен пышный слог)
России принесет такой еще развал,
Который и во сне представиться не мог?

Минует время, срежутся узлы,
Что остротой сегодня душу режут,
Свидетельства, которые могли б,
Об истине сказать, встречаться станут реже...

Исчезнет истина, а лжи взойдут посевы,
Махровым цветом все вокруг залив,
И будут в храмах славить то и дело
Того, кто бесу преданно служил.

Цена исторической сплетни

Нам говорят, что дочь Петра
Казну российскую сгубила, —
Балы роскошные с утра,
И десять тысяч платьев сшила...

Все это так. Все это так!
Чулки и платья много стоят...
Семь лет войны – такой пустяк,
Что, право, и не стоит спорить...

Он не жалел ни рук, ни ног

Он не жалел ни рук, ни ног —
Таков его удел,
Избу сам построить мог,
Земля – его надел.

Святым он стать не мог, —
Тех знаний нет, и слога,
А Бога чтил, но видит бог,
Живого и земного.

Без разъяснений не понять,
Писания святого.
Употреблял он слово «мать»
Значения иного.

Проходит много, много лет
Цвет золота на ризах
Икон, иного злата нет...
С овец и коз настрижен.

Одежда часто не чиста.
Коровий дух, свиной.
Он верит в Господа Христа,
И веры нет иной.

Живут крестьянская семья,
Родители, подруга,
Детишки малые, земля,
И сельская округа...

Весь мир страданий и забот,
Он изначально вечен —
Простой крестьянин, хлебороб,
Перстом судьбы отмечен.

Пути России не просты

Да! Пути России не просты,
И беды вкусила свыше меры.
Не пылали на Руси костры,
Не сжигали здесь людей за веру.

Вера здесь сурова и чиста,
Индульгенций здесь не продавали,
Шли на гибель с именем Христа,
И бесстрашно жизни отдавали!

Хорошо знаком нам ратный труд,
С ним знакомы были и монахи,
В кельи не входил обман и блуд,
Строгость жизни – не владенья страха!

Одиночка на Руси – бахвальщина

Одиночка на Руси – бахвальщина.

Удалю своею похваляется...

Слушают ребята небывальщину:

«То ли брешет, то ли дурью мается?»

Слушают бахвальщика детинушки —

Парни озорные, здоровенные.

Думают: «размять бы свою силушку...»

Да мешает лень, к тому ж сомнения...

Пусть себе рассказчик похваляется...

Толку нет ни в вере, ни в безверии.

Говорит спокойно, а не лается...

Перед ложью не захлопнешь двери».

Звезда Сиона

Люцифер пал с небес,
По Синаю скользнул пятипалою лапой,
Знак родил хитрый бес
Для отвергнутых Богом, проклятых!

Он когтями провел —
Получилась звезда путеводная беса.
Мир за нею пошел,
Зло пылало, росло в поднебесье!

Разум слаб. Бес силен!
Слово Бога народом ослабшим забыто.
Был нарушен закон —
Беззаконию двери открыты!

Пребывали во тьме и ночи.
Слуги беса – у власти над миром.
И звезды той бесовской лучи
Создавали живые кумиры!

Говорят о судьбе и пути
Что ее изменить мы не можем.
И стараемся что-то найти,
И тоска по утрате нас гложет!

Я не верю тому.
Есть одна только власть всемогущего Бога.
И служу я ему одному,
Пусть ведет меня светлой дорогой!

Я не знаю, когда?
Но на небо смотрю, ожидаю:
Что исчезнет звезда
Что зажег Люцифер на Синае.

Желание Мидаса

Да, все, живущие до нас,
Приверженцы различной веры,
Желали злата свыше меры,
Примером мог служить Мидас.

От олимпийцев дар тянулся,
Казался он таким простым,
Все становилось золотым,
К чему бы он не прикоснулся

Статуей стала золотой
И дочь, любимая Мидаса,
Миг необдуманый, пустой,
И смерть царя была ужасной.

Хлеб в руки взял, он золотой,
И золотой – любая пища.
Хотя б воды глоток, простой,
Он смерти, как спасенья, ищет...

Жажда

Когда ценней всего вода?
Нужна, но рядом её нет.
Возник пожар, пришла беда,
А от воды – лишь влажный след.

Когда тяжёл, безводен путь,
Нет больше сил бороться...
И нечем воду зачерпнуть,
Хотя видна на дне колодец
Распух язык, сошёл с ума,
От жажды страшной умирая,
Вода становится сама
Дороже всех сокровищ рая.

Конь пал, дорога нелегка,
Над головою ворон кружит...
Готов на всё ради глотка,
И воду пьёшь из грязной лужи.

Жив полк!.. Жив!

Нас пятерка, с нами ротный,
продолжаем знамя несть.
Немец сверху, беззаботно,
сбросил бомб десятков шесть.

Кто под куст, а кто в ложбину,
кто на грудь, кто на живот.
Живы мы, и живо имя,
Знамя есть, и полк живет!

Жертва доноса

Руки чисты, да и духом чист,
(И идея Маркса дорога).
Он сегодня честный коммунист,
Завтра «перебрался» в стан врага.

Кто-то строчит на него донос:
«Завербован вражеской разведкой»
Кару незаслуженно понес:
Смертный приговор у нас – нередкий

Межа

По селу слушок пошел:
«Наш Иван жену нашел.
Не «свою», а из села соседнего,
Статью, ростом – всем взяла,
Черноброва и бела,
И приданое за ней – небедное.

В дом явилась молодлица,
Братья начали делиться, —
Удалось хоть драки избежать.
Зорко смотрят друг за другом
Братья, верные подруги,
Появилась первая межа.

Раньше общим было поле,
Пашут, сеют, садят, полют,
И никто не смеет упрекнуть,
А теперь промчится кошка,
Крики рвутся из окошка,
А потом появится и кнут.

Время шло, межа толстеет,
Порознь каждый пашет, сеет,
За межой глаза – не наступи,

Плугом чуть ее задень,
Криков хватит на весь день,
От скандала просто не уйти.

Навалились брат на брата,
Тот с косой, а тот с лопатой, —
Рана так душевная свежа,
Яростно сцепились братцы,
К ним на помощь – домочадцы,
А всему причиную – межа.

Бились смело, бились лихо,
Бились громко, бились тих
Повреждений здесь не избежать,
В драке каждому досталось,
Но незыблемой осталась
Только злополучная межа.

При деле

Федор режет, Павел мелет,
Гул машин и там, и там,
Все рабочие при деле —
Министерством спущен план.

Хоть машины устарели
И трудились кое-как.
Все рабочие при деле
Выпускают явный брак.

Кумачом знамена рдели.
Об успехах говорят...
Все рабочие при деле,
А товар пошел на склад.

И куда ж глаза глядели?
Знали б мы, за что живем?
Вроде бы, всегда при деле —
На работе водку пьем...

Вот с пьяна и проглядели,
Превратились в бедняков.
Кто гуляет, кто при деле,
Хоть рабы, но без оков...

Полет мысли

В полете мысль. Какой простор!
И нет преград, и нет сомнений!
Она летает выше гор,
И наяву, и в сновиденьях.

Да вот беда! Вот – незадача!
Не знает, как на землю сесть.
Судьба сулила ей удачу,
Но некому удачу несть...

Есть голова, но слабы плечи,
И в голове – немало дыр...
Кормить ее, ну просто нечем,
И мысли той не видит мир.

Осталась мысль пустой, худой
В людском потоке затерялась...
Быть может, решено судьбой,
Чтоб в чью-то голову забралась.

И вновь – блистательный полет,
И ждет удача – нет сомнений!
Но нет условий – мысль умрет —
У жизни нет иных решений

Приключения Буратино в XXI веке

Жизни яркая картина:
Схожи все на Буратино.
Только может деревянный
В мире нашем как-то жить...
Бродят Васьки и Алисы
С хваткой волчьей,
прытью лисьей.
А несчастный Арлекино,
Как осенний лист дрожит.

Прежде вышел – и потеха!..
А сегодня не до смеха...
Глянул вправо, глянул влево:
Там ротвейлер, там – мастифф.
Впереди стоят бульдоги
И права у них, у многих...
А его защита: песня.
Да еще – задорный стих.

Нет друзей и нет работы.
Есть невзгоды и заботы:
Где искать ему Мальвину,
Где надежный друг Пьеро?
А Мальвина стала Розой

(Здесь не лирика, а проза)
Носит модную одежду,
Шляпу белую с пером!

Стала верною супругой,
И заботливой подругой
Для заплывшего от жира
Йоркширского кота.
Выбор мал на самом деле:
Есть панель и есть бордели —
Где исчезнет, как виденье,
У Мальвины красота.

И Пьеро кому-то служит
За обед и добрый ужин.
Только спрос на Буратино
В новом обществе исчез...
Дураков в стране немало,
Счастье редко выпадало —
С Якубовичем исчезло
«Поле славное чудес».

Мысли бьются, мысли скачут,
(Не могу назвать иначе)
Трудно вырваться из плена
Деревянной головы.
Дни идут, а не минуты,
Не плодятся почему-то
У отличного полена

Пищи нужной для молвы?

Да пора бы повечерять
Хоть бы корочкой в харчевне,
Так давно уже забытых
«Трех паршивых пескарей»
Золотых в кармане нету. —
Деревянная монета,
Из отчаянно худющих
Леи, гривны и рублей.

Нет Советского Союза,
Но остались рот и пузо,
Деревянные. Конечно, не о них
Идет ведь речь...
С жизнью можно и не спорить,
От безвыходного горя
Деревянному полену
головой прыгнуть в печь!

Утром в седло

Дружба, любовь и напиток богов —
К ним я тянул свои руки,
Тонкие, слабые, но без оков,
Боль испытывшие, муки.

Тонкая кисть ухватила стакан,
Тянет ко рту и дрожит.
Всё, что было, оставлено там,
Мне до утра бы прожить!

Чтоб отдохнуть, я забрался сюда,
Взглядом ища, что попроще.
Вряд ли заглянут сюда господя,
Двигаясь ночью на ощупь.

Утром в седло, на лихого коня,
Плети удар – я в дороге;
Ветер теперь не догонит меня,
Недосягаем для многих.

Тело моё превращается в тень,
И от души – оболочка.
А впереди меня – радостный день,
Сладость любовная ночки!

К цели своей я ещё доберусь,
Не охмелев от свободы,
Я ведь из тех, кто создали Русь,
Крепкой крестьянской породы.

Рассвет идёт

Туманом скрыто все. Покров, как одеяло.
Восток под ним почил в глубоком сне.
И в небесах луна еще сияла.
(Рассвет такой бывает по весне).

Пропели петухи и лебеди кричали,
Неслись их крики к солнечному свету.
Но стражи ночи крик не замечали —
На зов пернатых не было ответа.

Но все настойчивее птичьи голоса,
Еще чуть-чуть, еще, совсем немножко...
И появилась на востоке полоса:
Заря проснулась, показала ножку.

Потом тумана сбросила покров
Открыв глаза, вся в розовом явилась.
Вслед за зарей и солнца диск готов, —
Земля в цветное платье нарядилась.

Гимн чудный солнцу жаворонок пел,
Неторопливо солнышко вставало.
Туман, уйдя, над озером осел, —
Сжималось, таяло седое одеяло.

Провидец

*Памяти русского философа И. Ильина и
Его работе – «Русский национализм»*

Пророчество оставит след,
Коль мысль глубокая видна,
Как жаль, что нынче нет
Ивана Ильина!

Он четко схему набросал
Российского развала...
Но в тот момент никто не ждал,
Россия процветала...

Но, вот за что, и как?
Цена всему какая?
На каторгу пошел кулак,
Свечей крестьянин тает.

Когда то шумное село
Под властью захирело:
То ль солнце за гору зашло?
Не тем занялись делом?

Не услаждает правда слух,

Хоть говорят о ней!
И непокорный русский дух
Уходит в мир теней!

Хоть говорят: «Едины мы!»
Но видно – расслоение.
И сложно избежать тюрьмы,
Попав под «настроение!»

Национальная вражда
Прикрыта славословием,
И видна голая нужда —
А это – предисловие!

Осталось только ожидать
Развитье кульминации, —
Когда не сможет центр сдержать, —
И разбегутся нации!

Дождь... Бездорожье

Давно уж птицы улетели?..
Дождь. Бездорожье. Холода...
Придет мороз, придут метели...
В России так было всегда...

Нет только прежнего движенья,
Не слышно песен, голосов.
Заброшены стоят селенья —
Наследье дедов и отцов.

На все село один старик
Здесь почему-то задержался.
Он к одиночеству привык
И с нищетою не сражался.

Не верил, что конец подходит,
Не слышно старость подошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.